

Он любил тебя, жизнь!

Марку Бернесу нынче исполнилось бы 87 лет

Берн. Москва. — 1998. — 17 сент. — с. 11

Дебютировал Марк Наумович Бернес в театре с сугубо харьковским названием «Миссури». Почему «Миссури», не знали даже на Миссисипи. В Харькове были уверены, что это турецкая фамилия бывшего хозяина цирка, в котором разместился атр.

Эдуард ГРАФОВ

Все свободное время шустрый школьник проводил именно здесь. А поскольку он прямо с утра сбегал туда с уроков, то свободного времени получалось очень много. В труппе настолько к юноше привыкли, что наконец возвели аж в ранг самого настоящего статиста. Дебютировал Марк Наумович Бернес в роли официанта с подносом в шикарной оперетте Лео Фалля «Мадам Помпадур».

Успех у дебютанта был неслыханный. Дело в том, что с него на сцене перво-наперво свалились штаны, рассчитанные на взрослого актера. Потерял он их. Публика встретила эту творческую находку бурными аплодисментами — вот, дескать, до чего же остроумный артист! Харьков был тогда столицей Украины, и поэтому в искусстве там разбирались.

Скоростной успех настолько вскружил голову юному дарованию, что он немедленно отправился покорять и другую столицу — уже всего СССР. О таком самозабвенном статисте Москва могла только мечтать — он успевал подвизаться и в Малом, и в Экспериментальном, и каким-то образом даже в Большом театре. Поселился неподалеку от Москвы — в Кунцево — в бесплатном, что было крайне существенным, сарае. Приходилось ночевать и на Белорусском вокзале, где его хорошо знали. В общем, что касается жертв, которых требует искусство, Марк Бернес сразу выполнил все по полной программе.

И, наконец, свершилось! В бывшем театре Корша он получил роль уже со словами. Слов было, правда, маловато, но ведь все-таки были!

Конечно, неизменно растроганные поклонники Марка Наумовича могут недовольно поморщиться, зачем, дескать, усмешечки в адрес почтенного мастера? Но до чего же этот почтенный мастер был веселым человеком! Надо было видеть и слышать, как он изображал ту историю насчет «дебюта и штанов». Хотели до слез все слушатели во главе с самим рассказчиком.

Изящное чувство юмора было как бы в самой ткани его жизни. Как-то на него обдурился суетливый эстрадный администратор: «Привет, Бернес! Как жизнь, как здоровье?». И, не ожидая ответа, помчался было дальше. Марк Наумович успел схватить его за пуговицу пиджака и стал подробно рассказывать.

«Мне сделали анализ мочи, и вы себе даже представить не можете,

какой у меня анализ мочи! — ошеломленный администратор сделал попытку освободиться, но пуговица была в надежных руках. — Врач сказал, что никогда в жизни не видел такого анализа. Вы не можете себе представить, какой цвет! Хотели даже сделать повторный анализ. — Администратор сделал еще одну тщетную попытку освободиться. — И учтите, я это говорю только вам, потому что вас интересует мое здоровье. Никому другому я бы никогда об этом не поведal».

Бедолажный администратор, выкрикивая «Он сумасшедший!», все-таки изловчился сбегать. А Марк Наумович как бы удивленно разглядывал пуговицу, оставшуюся от администратора ему на память.

Его обожали всей страной! Письма шли со всех концов по адресу: «Москва. Бернесу». Осенью его и без того хлебосольный дом был завален присланными яблоками, а по всем углам квартиры стояли банки со всевозможным вареньем — слали «домашненькое». Любили его, конечно, очень любили!

Он был по характеру преданным человеком. Преданным людям и столь же верным искусству. В искусстве он был, если так можно сказать, неистовым. Причем с самых первых шагов, с самой первой роли в кино — Костя Жигулев в «Человеке с ружьем». Помните песню «Тучи над городом встали»?

Вообще-то такой роли в сценарии Николая Погодина сначала просто не было. Бернес уговорил автора вставить для него хоть бессловесную роль молоденького красногвардейца. Он сам придумал облик пареня — одежду, грим. Это было настолько выразительно, что сценарист написал для, в общем-то, отсутствующего персонажа текст.

Дальше было самое невероятное. Марк уговорил своего друга Павла Эрманда написать для Кости Жигулева песню. Он буквально несколько суток не отходил от Павла, и они, в некотором смысле вдвоем, написали и слова, и музыку.

Но тут ведь какая образовалась ситуация. Музыку к этому фильму написал Дмитрий Дмитриевич Шостакович. И вот два молодых человека, обмирая от собственного нахождения, пришли к выдающемуся композитору и исполнили выдающемуся композитору под баян (!) свою песенку. Она настолько очаровала Шостаковича, что он не только «пустил» ее в свой фильм, но и вставил фрагмент из нее в свою увертюру к фильму.

«Тучи над городом встали» поют до сих пор. А ведь прошло 60 лет.

Можно без преувеличения сказать, что всю жизнь Марк Бернес был «соавтором» исполняемых им песен. Это хорошо ведомо самым знаменитым композиторам и поэтам.

Как-то уже довольно поздним вечером он примчался с восхитившими его стихами к Андрею Эшплату. Поставил перед композитором пиюпитр — пиши музыку! А сам сел рядом с роялем. И ведь к утру песня была готова — «Сережка с Малой Бронной».

А Эдуарда Колмановского он прямо-таки на несколько дней вверг в рабство, отвергая мелодии — вариант за вариантом. Пока не получилась та единственная — «Я люблю тебя, жизнь!».

Евгения Евтушенко он просто запер (у себя на дне рождения) в отдельную комнату и не выпустил, пока поэт не завершил текст «Хотят ли русские войны?».

А Инна Гофф и вовсе была прозаиком. И ведь завлек ее Бернес на песенную стезю. В нем было филигранно чуткое ощущение таланта в другом человеке. И начали они с Инной Гофф сразу с замечательной песни «И я улыбаюсь тебе». Инна Анатольевна очень точно сказала: «Возможно, что и без участия Бернеса эти песни и многие другие были бы написаны. Написаны когда-нибудь. Но «когда-нибудь» очень часто означает — никогда».

И поэты, и композиторы, и сами песни ему многим были обязаны. Он их собою вдохновлял. Да, и песни — тоже. В его исполнении они обретали «вдохновение сердца». Все-таки действительно ни до, ни после Бернеса, пожалуй, никто с такой сердечностью к нам не обращался. Он морщился, когда его называли певцом: «Свои песни я наговариваю, с их помощью говорю с людьми о том, что меня в жизни волнует». А поскольку его волновало то, что и каждого из нас, песни его остались в народе.

Впрочем, народ у нас огромный, в нем разное встречается. Например, секретарь Союза композиторов опубликовал в «Правде» статью о Марке Бернесе — «Искоренять пошлость в музыке». Руководитель музыки привык к ораториям и кантатам, а тут его развращают «унылым говорком и многозначительным шепотом». Видимо, ему показалось, что петь надо громче.

Конечно, даже не секретарь союза имел полное право так полагать, дело вкуса. Но зачем же было тут же снимать с производства все подряд записи Бернеса, зачем было запрещать транслировать его по радио, администраторы перестали приглашать его на концерты. Такое вот «дело вкуса» длилось пять лет. И это отнюдь не единственный случай травмы нашего любимого певца. Всенародно любимого, вопреки газете «Правда».

Умирал Марк Наумович Бернес мучительно. Но мужество его не оставило до самых последних дней. Незадолго до кончины он, преодолевая адские боли, поехал на студию и записал как бы прощальную свою песню «Журавли» — «Мне кажется порою, что солдаты...» Пел, и по щекам его текли слезы.

Врнулся со студии домой, а там его ждало письмо от женщины из Заполярья: «Спасибо за то, что вашими песнями вы помогли и помогаете мне жить. Доброго вам здоровья и долгих лет жизни».

Через несколько дней Марк Наумович Бернес умер.

Прощаться с ним пришли тысячи людей. Со всех сторон из динамиков звучал голос: «Я люблю тебя, жизнь!»... Это было взаимно.